
А.С. Балахванцев

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА»
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И СЕЛЕВКИДОВ:
РАЗРЫВ ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ?

Аннотация: В статье рассматривается вопрос, который уже давно находится в центре внимания исследователей эллинизма. Нарративные и эпиграфические источники демонстрируют, что так же, как при Александре, в державе Селевкидов представители восточных – в первую очередь иранских — народов составляли значительную часть армии. Иранские аристократы стояли во главе сатрапий и крупных воинских соединений, а также сражались в составе конной гвардии — *агемы*. Туземные подданные Селевкидов могли получать права гражданства в эллинских полисах. На протяжении всего селевкидского периода шел инициированный еще Александром процесс «слияния» греко-македонян и варваров, охвативший различные сферы общественной, культурной и религиозной жизни. Все это вместе взятое позволяет считать, что Селевкиды продолжили восточную политику Александра Македонского, которая стала одним из главных средств укрепления их разноплеменного государства.

Ключевые слова: Александр Македонский, Селевкиды, иранцы

Abstract: This article examines a question that has long been of central importance for scholars of Hellenism. Narrative and epigraphic sources demonstrate that Eastern representatives, particularly Iranians, comprised a greater part of the Seleucid armies. Iranian aristocrats headed the satrapies and important military coalitions, and also did battle as part of the cavalry guards, the *agema*. The local subjects of the Seleucids were allowed citizenship rights in the Hellenic *poleis*. The ‘consolidation’ of Graeco-Macedonians and barbarians originally introduced by Alexander continued throughout the Seleucid period, affecting different spheres of social, cultural and religious life. Taken together, it can be concluded that the Seleucids carried on the Eastern policies of Alexander the Great, and these became one of the main tools for strengthening their own multi-tribal state.

Key words: Alexander the Great, the Seleucids, Orientals, Iranians

Стремясь к укреплению своей разноразной державы, Александр Македонский после победы над Дарием начинает осуществлять по отношению к новым подданным комплекс мер, известных в научной литературе как «восточная политика», которая включала в себя следующие элементы.

Первое. Александр допускает представителей восточных (в первую очередь иранских) народов в армию¹. Уже на завершающей стадии среднеазиатской кампании в отряде сатрапа Бактрии Аминты отмечается присутствие бактрийцев и согдийцев (*Arr. Anab. IV. 17. 3*). Во время индийского похода к последним присоединились дахи и скифы (*Curt. VIII. 14. 5; IX. 2. 24; Arr. Anab. V. 12. 2*). После возвращения из Индии восточные всадники были включены в состав конницы гетайров (*Arr. Anab. VII. 6. 3*), а несколько самых знатных иранцев причисляются к царским телохранителям — *агеме* (*Arr. Anab. VII. 6. 4*)².

Однако перемены не ограничились одной только конницей. В 327 г. до н. э. Александр приказал набрать во всех сатрапиях тридцать тысяч юношей для службы в македонской армии (*Curt. VIII. 5. 1; Plut. Al. 47. 6*). В феврале 324 г. до н. э. эти «эпигоны», обученные и вооруженные по македонскому образцу, прибыли в Сузы (*Diod. XVII. 108. 1–3; Arr. Anab. VII. 6. 1*). Затем Александр включил восточных воинов в состав дворцовой стражи и фаланги (*Diod. XVII. 110. 1–2; Arr. Anab. VII. 11. 3; 23.1. 3–4; Just. XII. 12. 4*)³. Следует подчеркнуть, что, действуя так, царь убивал сразу двух зайцев: восполнял убыль воинов, возникшую из-за больших потерь среди греков и македонцев, а также ликвидировал свою чрезмерную зависимость от последних.

Второе. Александр начинает назначать знатных иранцев сатрапами, тем самым допуская их в правящую верхушку. С 331 г. до н. э.

¹ *Brunt P.A. Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. 1963. Vol. 83. P. 42–45; Griffith G.T. A Note on the Hippiarchies of Alexander // JHS. 1963. Vol. 83. P. 68–74; Badian E. Orientals in Alexander's Army // JHS. 1965. Vol. 85. P. 160–161; Bosworth A.B. Alexander and the Iranians // JHS. 1980. Vol. 100. P. 15–17; Hammond N.G.L. The Text and the Meaning of Arrian VII 6.2–5 // JHS. 1983. Vol. 103. P. 139–144.*

² Вряд ли можно согласиться с исследователями, приуменьшающими значение этого факта и видящими в восточных аристократах так же, как и в македонских пажках Александра, только заложников (*Bosworth A.B. Alexander and the Iranians. P. 13*). Последнее обстоятельство вовсе не умаляет политической роли как македонской, так и иранской знати.

³ См.: *Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986. С. 296–298; Bosworth A.B. Alexander and the Iranians. P. 17–20; Шофман А.С. К вопросу о генезисе эллинистических армий (антиагма) // ВДИ. 1987. № 3. С. 143–153.*

во главе важнейших сатрапий стояли Мазей (Вавилония), Абулит (Сузиана), Мифрен (Армения), Фрасаорт (Персида), Оксидат (Мидия), Артабаз (Бактрия). Правда, к концу правления Александра из-за естественной убыли и казней только трое иранцев — Атропат в Мидии, Фратаферн в Парфии и Гиркании, Оксиарт в Парамисадах — сохраняли свои посты. Однако этот факт вряд ли может иметь то значение, которое ему иногда стараются придать⁴: репрессии после завершения индийского похода обрушились и на многих сатрапов из числа македонян. Важным было не количество сатрапов-иранцев, но то, что по воле царя любой из его приближенных, будь то грек, македонянин или иранец, мог как занять, так и потерять свою должность. При этом национальность сатрапа не имела никакого значения.

Третье. Наряду с греками и македонцами Александр расселяет в основанных им городах представителей местного населения⁵.

Четвертое. Александр предпринимает меры, направленные на сближение завоевателей и завоеванных. Так, сам царь, его приближенные и даже простые воины вступают в браки с иранками (*Diod.* XVII. 107 .6; *Curt.* X. 3. 11–12; *Arr. Anab.* VII. 4. 4–8; *Plut.* Al. 70. 3). Вместе с этим начинается процесс «эллинизации» иранцев, огромную роль в котором играла армия⁶. Именно благодаря ей иранские рекруты стали осваивать греческий язык и письмо (*Plut.* Al. 47. 6).

Нашла ли «восточная политика» Александра своих продолжателей в лице Селевкидов? Некоторые ученые отвечают на этот вопрос утвердительно. Так, А.Б. Ранович утверждает, что Александр и его преемники пошли по пути создания греко-восточных монархий, а

⁴ *Bosworth A.B.* Alexander and the Iranians. P. 9, 14.

⁵ Подробнее см.: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 212–214. Недавняя критика этого положения (*Смирнов С.В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013. С. 243–244) не выглядит убедительной. Утверждение о невозможности проживания греко-македонян в близком соседстве с коренным населением, безусловно, противоречит известным нам фактам, хотя бы рассказанной Аррианом истории об основании Александрии Эсхаты (*Arr. Anab.* IV. 4. 1), куда, кстати, местные варвары переселялись добровольно. П. Бриан (*Briant P.* Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d'installation // *Klio.* 1978. Bd. 60 (1). P. 75–76) предпочитает версию Курция Руфа (*Curt.* VII. 6. 27), согласно которой в городе были поселены выкупленные Александром пленники, ставшие таковыми после подавления македонянами восстания городов на Танаисе-Яксарте. Получается, что сначала царь раздает пленных воинам (*Curt.* VII. 6. 16), а буквально на следующий день выкупает рабов у их хозяев! Вряд ли Александр стал бы проявлять такую снисходительность к непокорным в разгар восстания Спитамена.

⁶ *Шахермаир Ф.* Александр Македонский. С. 298.

возникновение городов со смешанным населением приводило к сближению между греко-македонцами и азиатскими народами⁷. Г. Бенгтсон называет державу Селевка I «македоно-иранской империей»⁸. Еще более последовательно такой взгляд на Селевкидов выражен в работе С. Шервин-Уайт и А. Курт⁹. Схожую, хотя и довольно противоречивую, позицию по этому вопросу занимает и Б. Дрейер¹⁰. Однако большинство исследователей считают, что в селевкидском государстве эта политика была полностью отброшена: устанавливается господство этноса завоевателей, или, говоря словами П. Бриана, «доминирующего этно-класса», эксплуатировавшего местное население¹¹. Некоторые исследователи даже называют эллинизм «колониальным обществом»¹². Из такого понимания природы эллинистического государства в целом и селевкидского, в частности, делаются далеко идущие выводы относительно культурного и политического развития эллинистического мира. Так, значительное распространение получил тезис, что широкие контакты местных и греческой культур начались только после падения власти завоевателей¹³. Утверждается также, что именно благодаря борьбе народов Востока против господства греко-македонян возникли Парфия и Кушанское царство¹⁴.

⁷ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 97, 102.

⁸ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 73. Следует заметить, что во взглядах Г. Бенгтсона присутствует серьезное противоречие: ниже он замечает, что местные элементы стали проникать в правящее сословие лишь к концу III в. до н. э. См.: Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. С. 78.

⁹ Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 38.

¹⁰ Dreyer B. How to Become a "Relative" of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // AJPh. 2011. Vol. 132 (1). P. 46.

¹¹ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 133; Edson Ch. Imperium Macedonicum: The Seleucid Empire and the Literary Evidence // CPh. 1958. Vol. 53 (3). P. 156, 164; Will É. Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)¹. Nancy, 1966. T. 1. P. 243; Préaux C. Le monde hellénistique: la Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). Paris, 1978. P. 680; Briant P. Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d'installation. P. 92; Walbank F.W. The Hellenistic World. London, 1993. P. 14–15, 63, 65, 125; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 32, 49; Frye R.N. The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 173; Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 90–91.

¹² Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1960. Ч. I. С. 138, 155; Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 75.

¹³ Толстов С. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока» // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 208; Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 291–292.

¹⁴ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 53.

Для ответа на вопрос: продолжили ли Селевкиды «восточную политику» Александра или порвали с ней, следует еще раз обратиться к анализу имеющихся у нас источников. Начнем с армии. Еще П. Бриан, сравнивая мероприятия Эвмена с действиями других диадохов, в том числе и Селевка, показал, что все они прибегали к набору войск из местного населения¹⁵. Причина этого заключалась в том, что в случае сотрудничества между сатрапом и его восточными подданными первый мог получить в свое распоряжение армию испытанной преданности, невозможной ни со стороны наемников, ни со стороны македонян¹⁶. Естественно предположить, что Селевк и его преемники продолжали использовать восточных воинов и в дальнейшем¹⁷. Тем не менее, следует уточнить вопрос о масштабах «ориентализации» селевкидской армии и ее составных частей.

При Ахеменидах в Вавилонии была широко распространена практика предоставления воинам земельных участков. При этом воины не только отбывали воинскую повинность, но и платили со своей земли налоги царю. Воинские наделы носили названия: «дом» (bīt) лука, колесницы, коня и т. д.¹⁸ Упоминание аналогичных наделов в документах из Урука начала III в. до н. э.¹⁹ свидетельствует о том, что Селевк I унаследовал эту систему, позволявшую серьезно сократить расходы на армию, и среди его воинов были вавилоняне. Очевидно, что большую часть тех царских войск, которые в полном своем составе были собраны в Вавилонии и под командованием стратега в апреле 273 г. до н. э. отправились на помощь Антиоху I в Заречье (Сирию), составляли как раз вавилоняне²⁰.

¹⁵ Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumène de Kardia (1er article) // REA. 1972. T. 74. P. 60–69.

¹⁶ Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumène de Kardia (1er article). P. 69.

¹⁷ Foulon É. Contribution à une taxinomie des corps d'infanterie des armées hellénistiques // ES. 1996. T. 64 (3). P. 229. Особняком стоит мнение И. Вольского (Wolski J. L'Iran dans la politique des Séleucides // AAASH. 1977. T. 25. P. 155), согласно которому со второй половины III в. до н. э. иранская кавалерия уже не участвует в битвах Селевкидов. Приводимые ниже данные убедительно демонстрируют необоснованность этого утверждения.

¹⁸ Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 157–159.

¹⁹ Саркисян Г.Х. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 140–142; Wallenfels R. Seleucid Archival Texts in the Harvard Semitic Museum. Groningen, 1998. № 1.

²⁰ Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, 1988. Vol. I. -273 B 'Rev. 32'; Spek R.J. van der. The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // BO. 1993. J. 50. № 1–2. P. 98.

Во время Первой Сирийской войны (274–271 гг. до н. э.) Антиох I Сотер, желая обмануть египетского стратега, сделал вид, будто его армия собирается отмечать «персидский праздник» (*Polyaen.* IV. 15). Это известие, как и само празднество, не вызвало у неприятеля никаких подозрений, что можно объяснить лишь значительным и постоянным присутствием иранских воинов в селевкидской армии, о чем было хорошо известно и противной стороне. В пользу предложенного объяснения свидетельствуют и факты использования воинов из восточных народов не только в составе армий во время решающих битв, но и для несения обыденной гарнизонной службы в Малой Азии (OGIS 229, ll. 104–105).

В битве при Рафии в 217 г. до н. э. на стороне Антиоха III в качестве легковооруженных воинов и конников сражались около двадцати тысяч дахов, карманиев, киликийцев, персов, мидян, киссиев, кадусиев и арабов (*Polyb.* V. 79. 3, 6–8). Однако при этом ряд исследователей утверждает, что фаланга — ядро армии — была чисто македонской²¹. Мне представляется, что эта точка зрения является ошибочной в плане оценки как роли фаланги, так и ее национального состава. Во-первых, уже начиная с Александра основной ударной силой армии стала конница. Из-за снижения качества тяжеловооруженной пехоты²² и необходимости вести боевые действия на необозримых просторах Азии тенденция к выдвиганию на первый план конницы еще более усилилась при Селевкидах. Так, именно успех или неудача кавалерийских атак во главе с царем определили исход основных сражений в царствование Антиоха III: при Рафии (*Polyb.* V. 82–85), на реке Арий (*Polyb.* X. 49) и при Магнесии (*Liv.* XXXVII. 40–43).

Во-вторых, Полибий свидетельствует о присутствии при Рафии, наряду с двадцатитысячной фалангой, десяти тысяч отборных воинов из всего царства, вооруженных по-македонски, большинство из которых были аргираспидами (*Polyb.* V. 79. 4–5). Уже давно появилась тенденция видеть в части этих тяжеловооруженных воинов представителей восточных народов²³. Вряд ли можно согласиться с

²¹ *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambridge, 1976. P. 20, 59–60, 213, n. 5; *Кочешенко Г.А.* Греческий полис. С. 225; *Маринович Л.П.* Александр Македонский и становление эллинизма. С. 94.

²² *Шофман А.С.* К вопросу о генезисе эллинистических армий (*антиматема*). С. 152.

²³ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 55, 61; *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957. P. 608. См. также: *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis. P. 55.

критикой этого мнения со стороны Б. Бар-Кохвы, согласно которому Селевкиды не могли предоставить паноплию восточным воинам, так как боялись восстаний покоренных народов²⁴. Нетрудно заметить, что возражение израильского историка основывается на тезисе, который сам еще нуждается в доказательстве. Между тем, после Александра вооружение восточных рекрутов на македонский манер (*Diod. XIX. 27. 6*) приобрело настолько широкое распространение, что применительно к армии апеллятив «македонянин» стал означать только «солдата, вооруженного по македонскому образцу»²⁵.

Не менее важную роль иранцы играли и в селевкидской кавалерии. В битве при Магнесии в 190 г. до н. э. *агема* Антиоха III состояла из отборных мидян и других иранцев этой же области (*Liv. XXXVII. 40. 6*)²⁶. Э. Бикерман, опираясь на замечание Аппиана (*App. Syg. 32*) об *агеме* македонян, считает, что Ливий допустил здесь ошибку²⁷. Однако упоминание римским историком о происхождении воинов *агеми* из одной области не позволяет воспринимать македонян в этническом смысле: ведь особой «области македонян» в царстве Селевкидов не было. Поэтому никакого противоречия между двумя историками здесь нет, и речь может идти о мидянах, вооруженных по-македонски. Если же учесть наличие в Мидии царских табунов (*Polyb. V. 44. 1*) и то, что прилегающая к ней с севера Мидия Атропатена славилась своей конницей (*Polyb. V. 55. 8*), то причин сомневаться в точности сведений Ливия, восходящих к Полибию, просто не остается. Иранцами же были и катафракты, сражавшиеся с римлянами при Магнесии (*Liv. XXXVII. 40. 5; 11*), а позже участвовавшие в параде, устроенном Антиохом IV в Дафне (*Polyb. XXXI. 3. 9*)²⁸.

В науке уже был поставлен вопрос о существовании в селевкидских сатрапиях местных воинских соединений²⁹. И хотя в источниках

²⁴ Bar-Kochva B. The Seleucid Army. P. 20.

²⁵ Briant P. D'Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d'Eumène de Kardie (suite et fin) // REA. 1973. Т. 75. P. 44. Я полностью поддерживаю вывод Н. Секунды (*Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Dewsbery, 1994. Vol. 1. P. 13*), согласно которому понятие «македонянин» в державе Селевкидов превратилось в «псевдоэтноним». Автор справедливо указывает, что при Антиохе II даже выходец с Кипра мог называть себя македонянином (*Athen. VII. 289f*).

²⁶ Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies. P. 22.

²⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 57.

²⁸ Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies. P. 21.

²⁹ Boiy T. Royal and Satrapal Armies in Babylonia during the Second Diadoch War. The *Chronicle of the Successors on the Events during the Seventh year of Philip Arrhidaeus* (=317/316 BC) // JHS. 2010. Vol. 130. P. 9.

нет никаких прямых данных об их национальном составе, проблема вполне поддается решению. Учитывая, что в 180–160 гг. до н. э. целый ряд бывших селевкидских наместников — Артаксий, Зариандр, Гиспаосин, Птолемей — провозглашают свою независимость, вряд ли можно сомневаться в том, что войска, которыми они командовали, формировались не из греко-македонян, а из местного населения.

Какое место занимали иранцы в правящей верхушке? Часто приходится сталкиваться с мнением, будто после Александра представители иранской аристократии исчезают из высших эшелонов власти³⁰. Ф. Уолбанк даже пытается подкрепить этот вывод ссылкой на статистические данные, согласно которым доля сирийцев, иудеев, персов и других иранцев в составе господствующего класса не превышала 2,5 %³¹. Однако последующие исследования показали, что руководящие должности у Селевкидов занимали значительно больше представителей восточных народов, чем это считалось ранее³². Вместе с тем констатируется почти полное (за одним-единственным исключением) отсутствие «варваров» среди царских φίλοι³³.

Что можно заметить по этому поводу? Мне представляется, что при решении вопроса об этническом составе правящего класса необходимо учесть следующее. Первое. Правящая верхушка при любой монархии представляет собой группу людей — крупных собственников, — которые *систематически* участвуют в принятии важных политических решений как общегосударственного, так и регионального уровня. Поэтому недопустимо автоматически включать в эту группу тех царских друзей, об административной деятельности которых или влиянии на политический процесс ничего не известно. Второе. Греческие и македонские имена полководцев и администраторов селевкидской державы сами по себе говорят лишь о том, что их носители в той или иной степени приобщены к греческой культуре и в этом

³⁰ Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма. С. 100; Кошелев Г.А., Ладынин И.А. Эллинизм // Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 537.

³¹ Walbank F.W. The Hellenistic World. P. 125; Habicht Ch. Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // VSWG 1958. Bd. 45. S. 5–16. См. также: Dreyer B. How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III. P. 49.

³² См.: Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 74–77 (с предшествующей литературой).

³³ Savalli-Lestrade I. Les philoi royaux dans l’Asie hellénistique. Genève, 1998. P. 223.

смысле являются эллинами. Однако на основе анализа одной ономастики невозможно определить, были ли они эллинами κατὰ φύσιν или представителями эллинизированной восточной аристократии. Третье. Дошедшие до нас данные о правящей верхушке государства Селевкидов в высшей степени случайны. Так, для правления Селевка II Каллиника (246–225 гг. до н. э.) известен всего лишь один царский друг — врач Аполлофан³⁴. Поэтому мне представляется более продуктивным при решении этого вопроса отказаться от статистических выкладок и обратиться к прямым указаниям источников.

Среди «друзей» Селевка I Лукиан упоминает юношу с явно семитским именем Комбаб, надзиравшего за постройкой храма в Гираполисе (*Luc. Syr. D.* 19–27). Вся рассказанная о нем Самосатцем история носит сказочный характер, но такая деталь, как воздвижение в честь Комбаба бронзовой статуи работы Гермокла Родосского (*Luc. Syr. D.* 26), заставляет предположить, что в легенде присутствовало историческое зерно³⁵. В 246 г. до н. э. стратегом Киликии был иранец Арибаз (*P. Gurob. Col. II* 30)³⁶, а в 214 г. до н. э. его тезка и соотечественник исполнял обязанности градоначальника в Сардах (*Polyb.* VII. 17. 9, 18. 4–5, 7). Градоначальником Урука в 244 г. до н. э. был вавилонянин Ануубаллит-Никарх³⁷, а в 202 г. до н. э. эту должность занимал Ануубаллит-Кефалон³⁸. В 217 г. до н. э. в битве при Рафии мидиец Аспасиан командовал корпусом, состоявшим из пяти тысяч иранцев (*Polyb.* V. 79. 7).

В конце правления Антиоха III стратегами Армении являлись Артаксий и Зариандр, иранские имена которых говорят сами за себя (*Strabo* XI. 14. 5). Что же касается Артаксия, то, судя по его надписям, он принадлежал к знатному персидскому роду Оронтидов³⁹.

³⁴ Ibidem. P. 19–20.

³⁵ См. также: *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis. P. 25, 124; *Savalli-Lestrade I.* Les philoi royaux. P. 6.

³⁶ *Piejko Fr.* Episodes from the Third Syrian War in a Gurob Papyrus, 246 B.C. // *Afp.* 1990. Bd. 36. P. 14, 21, n. 11; *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München, 1944. Bd. II. S. 77; *Eddy S.K.* The King is Dead. Lincoln, 1961. P. 39.

³⁷ *Саркисян Г.Х.* Греческая ономастика в Уруке и проблема *Graeco-Babyloniaca* // *Древний Восток.* 2. Ереван, 1976. С. 193.

³⁸ Там же. С. 194. Следует заметить, что, в отличие от иранцев, вавилоняне не занимали административных постов вне пределов своей исторической родины.

³⁹ *Тирациян Г.А.* Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении // *ВДИ.* 1980. № 4. С. 102. Вопреки мнению автора, который склонен более доверять баснословным утверждениям Моисея Хоренского, чем эпиграфическим данным, сомневаться в справедливости прямого заявления Артаксия о его принадлежности к роду Оронтидов нет никаких оснований.

Антиох IV назначил эпархом Месены Гиспаосина, сына Сагдодонака (*Plin. NH. 6.139*), который, судя по имени, был человеком иранского и, возможно, даже бактрийского происхождения⁴⁰. В конце правления Антиоха IV эпистатом Коммагены был Птолемей (*Diod. 31.19a*), возводивший свое происхождение к уже упоминавшемуся роду Оронтидов⁴¹. Накануне парфянского вторжения в Вавилонию пост ее стратега занимал Ардайя⁴². Поскольку в вавилонской клинописи при написании иранских имен встречается передача иранского глухого через аккадский звонкий⁴³, можно предположить, что перед нами иранское имя *Artaya (герой)⁴⁴. В 141 г. до н. э. Митридат I назначил командующим войсками в только что захваченной парфянами Вавилонии Антиоха, сына Арьябузана⁴⁵. Около 140 г. до н. э. правителем Месопотамии был мидиец Дионисий (*Diod. XXXIII. 28*)⁴⁶.

Для правильной оценки этих данных необходимо учесть, что если при Ахеменидах существовал обычай, по которому знать должна все время находиться при царском дворе и быть готовой к выполнению любого распоряжения своего повелителя (*Xen. Cyr. VIII. 1. 6–8*), то при Селевкидах ситуация кардинально меняется. Уже отмечавшееся выше отсутствие иранцев среди царских друзей⁴⁷ свидетельствует о том, что в III–II вв. до н. э. иранские аристократы переносят свою активность на региональный уровень, оказывая особенно сильное влияние на положение дел в тех сатрапиях, где находились их поместья. Все это неопровержимо свидетельствует, что говорить об исключении восточной знати из правящей элиты нет никаких оснований.

⁴⁰ История вопроса: *Nodelman S.A. A Preliminary History of Characene // Berytus. 1960. Vol. XIII (2). P. 86; Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985. P. 135–136; Boiy T. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2004. P. 169, n. 155.*

⁴¹ *Sullivan R.D. The Dynasty of Commagene // ANRW. Bd. II. 8. P. 736, 743.*

⁴² *Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, 1996. Vol. III. -144 'Obv. 35'–37'.*

⁴³ *Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. С.100, 102.*

⁴⁴ Там же. С. 298.

⁴⁵ *Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. -140 C'Rev. 30'.*

⁴⁶ *Savalli-Lestrade I. Les philoi royaux. P. 120.*

⁴⁷ *Ibid. P. 223.* Иранские аристократы не могли комфортно чувствовать себя при дворе: их знание греческого языка вряд ли превышало уровень, необходимый для обсуждения военных и административных вопросов, а многие придворные обычаи — такие, как участие в танцах (*Athen. IV. 155b*) — были им откровенно чужды.

Переходя к анализу положения восточного населения в селевкидских городах, следует выделить три аспекта этой проблемы. Первый из них касается совместного проживания греков и местного населения в одном городе. Такая практика засвидетельствована для Антиохии на Оронте, Дура-Эвропос, Селевкии на Тигре, Антиохии Каллирои (Эдессы), Антиохии в Мигдонии (Низибиса), Селевкии (Керкука), Вавилона, Урука, Селевкии на Эвлее (Суз)⁴⁸. Следует заметить, что, судя по вавилонским астрономическим дневникам, никаких конфликтов между жившими в Вавилоне греческими *политами* и местным «народом земли» не возникало.

Второй аспект связан с вопросом формирования гражданского коллектива в селевкидских полисах⁴⁹. Можно ли считать, что он состоял только из македонян и греков⁵⁰? Я полагаю, что данное мнение является ошибочным и опровергается следующим фактом. В 244/3 г. до н. э.⁵¹ группа селевкидских воинов-персов под командованием Омана получила гражданские права в Смирне (OGIS 229, II. 104–105)⁵². Поскольку греческие *-ο* и *-ων* передают иранское *vahu*⁵³, *то имя офицера следует восстановить как ср.-перс. Vahuman* (Добромысл)⁵⁴. Если целое подразделение персов смогло получить гражданские права в одном из старинных полисов Ионии, то вряд ли следует с порога отвергать возможность проникновения жителей

⁴⁸ Подробнее см.: *Downey G. A History of Antioch in Syria*. Princeton, 1961. P. 78–80, 115; *Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 82, 84, 86, 89, 106, 118; *Дандамаева М.М.* Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 171–174; *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; Los Angeles, 2006. P. 86.

⁴⁹ Пользуясь случаем, замечу, что отнюдь не все основанные Селевкидами города получали статус полиса. Так, например, нет никаких доказательств того, что полисом был Ай-Ханум: в происходящей отсюда эпиграфике *ни разу* не упоминаются полис, его институты или магистраты. См.: *Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). London, 2012. № 97–150.

⁵⁰ *Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 220; *Шофман А.С.* К вопросу о генезисе эллинистических армий. С. 149.

⁵¹ *Elwyn S.* The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna's Inviolability // JHS. 1990. Vol. 110. P. 180.

⁵² *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. С. 62. Примеч. 138; *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. С. 103; *Walbank F.W.* The Hellenistic World. P. 131. Начало подобной практики восходит к 320 г. до н. э., когда гражданами Амизона стали иранцы Багадат и его сын Ариарамн. См.: *Briant P.* Les Iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide. A propos de l'inscription d'Amyzon // DHA. 1985. T. 11. P. 174–175.

⁵³ *Грантовский Э.А.* Ранняя история. С. 92.

⁵⁴ Там же. С. 241.

Востока в гражданские коллективы полисов, основанных самими Селевкидами на просторах Азии.

Третий аспект исследуемой проблемы посвящен вопросу эксплуатации греко-македонянами местного населения. Так, существует мнение, что в Дура-Эвропос клеры граждан обрабатывали местные жители⁵⁵. В общей форме об илотизации местного населения говорит и П. Бриан⁵⁶. Вместе с тем, Е.С. Голубцова отмечает отсутствие для Малой Азии свидетельств того, что в состав владений городских жителей входили люди, которые бы сидели на этой земле и ее обрабатывали⁵⁷. На мой взгляд, при решении данного вопроса необходимо учитывать, что условия, в которых возникали новые полисы, были весьма различны. Так, столица селевкидской державы Антиохия на Оронте, судя по археологическим данным, была основана в районе с редким населением⁵⁸, которого было явно недостаточно для того, чтобы обработать пять тысяч триста и тем более десять тысяч клеров граждан нового города⁵⁹.

Ценную информацию о хозяйстве горожан можно извлечь из рассказа Аппиана о восстановлении Антиохом III разрушенной Лисимахии. Стремясь привлечь в город новых поселенцев и помочь им поскорее встать на ноги, царь раздавал им быков, овец и железные орудия для земледелия (*App. Syr.* 1)⁶⁰. Эти данные недвусмысленно свидетельствуют против возможности того, что хозяйство и благосостояние горожан основывалось на отработках

⁵⁵ *Левек П.* Эллинистический мир. С. 57. Следует заметить, что *ἐποίκιοι* в составе клера Конона в Дура-Эвропос вовсе не обязательно понимать как «деревня» (*Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 228. Примеч. 30). Данный апеллатив может означать и «усадебку» (*LSJ.* 1996. P. 675). Такая трактовка не дает основания для вывода, что на клере Конона находились и работали местные жители.

⁵⁶ *Briant P.* Colonisation hellénistique. P. 80–82.

⁵⁷ *Голубцова Е.С.* Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969. С. 167.

⁵⁸ *Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 178 (с предшествующей литературой). Ряд авторов (*Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Wiesbaden, 1978. P. 25; *Смирнов С.В.* Государство Селевка I. С. 238), опираясь на свидетельство Либания (*Lib. Orat.* XI. 89), отмечают использование при строительстве Антиохии плотников и слуг из местного населения. Однако даже если информация Либания и соответствует действительности, она еще не дает оснований говорить о превращении аборигенов в илотов. Впрочем, сопоставлению данных письменных и археологических источников следует посвятить специальное исследование.

⁵⁹ *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements. P. 81.

⁶⁰ Аналогичным образом Антиох III действовал и в отношении военных колонистов, размещенных им в Лидии и Фригии (*Jos. AJ.* XII. 148–153): им выдавались земли для постройки домов, под пашню и виноградники.

местного населения: в противном случае вместо быков и плугов Антиоху следовало бы раздавать земли с λαοί, которые и так имели свой скот и инвентарь⁶¹.

Существование серьезных различий в размерах жалования и экстраординарных выплат солдатам и офицерам македонской армии (*Arr. Anab.* II. 12. 1)⁶² заставляет усомниться в том, что при образовании полиса из бывших военных в наделении их землей соблюдался уравнительный принцип: командиры или царские приближенные получали большие участки земли, вполне сопоставимые по размерам с владениями Аристоклида, Мнесимаха, Лаодики, на которых могли сидеть обрабатывающие их λαοί⁶³. Что же касается простых солдат, то вряд ли размеры их клеров позволяли разместиться там каким-либо местным жителям. Следует также подчеркнуть, что новым поселенцам земельные наделы вообще не предоставлялись⁶⁴. Все это приводило к росту социальной дифференциации внутри греческих полисов (*Athen.* XI. 466b) и способствовало установлению в них олигархического правления (*Tac. Ann.* VI. 42. 1–2). К сожалению, источники содержат крайне мало информации о низших слоях гражданства, поэтому о них приходится судить по косвенным данным. Так, присутствие около 200 г. до н. э. в Малой Азии носивших греческие имена наемников — выходцев из Антиохии и Лаодикеи, позволяет сделать вывод о наличии в сирийских полисах людей, лишенных средств к существованию и вынужденных уходить на чужбину в поисках заработка⁶⁵.

Не следует также забывать и о том, что отнюдь не все греки селевкидской державы были включены в состав полисов. Имущественное и социальное положение этой категории эллинов также сильно различалось. Например, в клинописном контракте 151 г. до н. э. из Урука упоминается Деметрий, сын Архия, который находился в зависимости от Зора, сына Кефалона⁶⁶. Все это вместе взятое не позволяет согласиться с мнением о совпадении социального деления селевкидского общества с этническим.

⁶¹ Голубцова Е.С. Рабство и зависимость. С. 171–178.

⁶² Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001. С. 69.

⁶³ См.: Голубцова Е.С. Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии. С. 170–178.

⁶⁴ Cohen G.M. The Seleucid Colonies. P. 46.

⁶⁵ Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977. С. 22.

⁶⁶ Саркисян Г.Х. Греческая ономастика. С. 188–189; Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии. С. 172.

Естественно, что данное обстоятельство облегчало процесс сближения потомков греко-македонян и жителей Востока. Свое наглядное выражение он нашел в смешанных браках⁶⁷. Так, Селевк еще при жизни Александра взял в жены дочь вождя бактрийцев Спитамена Апама (*Arr. Anab.* VII. 4. 6), ставшую матерью наследника престола Антиоха I. Дочери Антиоха II вышли замуж за иранских династов: Стратоника — за Ариарата Каппадокийского (*Diod.* XXXI. 19. 6), а Апама⁶⁸ — за Митридата II Понтийского (*Porphy.* FGrH 260 F 32.6). Младший сын Антиоха II Антиох Гиеракс первым браком был женат на дочери Ариамена (Ариарамна) Каппадокийского (*Just.* XXVII. 3. 7), а вторым — на дочери Зиела Вифинского (*Porphy.* FGrH 260 F 32.8). Антиох III женился на Лаодике, дочери Митридата II Понтийского (*Polyb.* V. 43. 1), а свою сестру Антиохида выдал за правителя Софены Ксеркса (*Polyb.* VIII. 25. 5). Дочь Антиоха III Антиохида стала женой Ариарата IV (*Diod.* XXXI. 19. 7).

В аналогичные браки вступали и люди более скромного социального положения. Например, гречанка Антиохида, дочь Диофанта, была женой правителя Урука Ануубаллита-Кефалона⁶⁹, а Дионисия, дочь Гераклида, вышла замуж за вавилонянина Ануубелшуну⁷⁰. Кроме этих случаев в Уруке отмечено еще несколько смешанных

⁶⁷ Не лишним здесь будет напомнить о существовании при Птолемах запрете на смешанные браки в Навкратисе и, возможно, в Александрии. См.: *Баюн Л.С.* Этноязыковая ситуация на эллинистическом Востоке // *Эллинизм: восток и запад.* М., 1992. С. 268.

⁶⁸ В апреле-мае 246 г. до н. э. вавилонский астрономический дневник зафиксировал пребывание в городе детей Антиоха II — Селевка, Антиоха и Апама (*Sachs A.J., Hunger H.* *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia.* Wien, 1989. Vol. II. 245 A Obv'. 13). Имени каждого персонажа был предпослан вертикальный клин, означающий в аккадской клинописи мужской детерминатив. Ряд авторов (*Мель А.* *Размышления по поводу «господствующего общества».* С. 76; *Muccioli F.* *Antiocho III e la politica onomastica dei Seleucidi* // *Electrum.* 2010. Vol. 18. P. 86) интерпретировал эту запись как свидетельство о существовании неизвестного прежде селевкидского принца Апама. В 2005 г. я предположил, что, поскольку таких мужских имен в иранской ономастике не встречается, речь может идти только о женском имени Апама. Что же касается ошибочно употребленного перед именем царевны мужского детерминатива, то похожие примеры имели место еще в старовавилонский период. См.: *Балаханцев А.С.* *Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных: тезисы доклада на Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете* // ВДИ. 2006. № 2. С. 226.

⁶⁹ *Саркисян Г.Х.* *Греческая ономастика в Уруке.* С. 187, 210–211. Автор приводит доводы в пользу принадлежности Антиохида к роду Селевкидов.

⁷⁰ Там же. С. 189–190.

браков⁷¹. Смешанные браки между колонистами и местными арамейскими женщинами зафиксированы и в Дура-Эвропос⁷². Следует заметить, что, если при Александре браки заключались только между греко-македонянами и иранками, то при Селевкидах процесс приобрел двусторонний характер.

Межэтнические браки способствовали появлению среди представителей народов Востока носителей греческих имен, о чем свидетельствуют клинописные документы из Урука. Г.Х. Саркисян насчитал среди урукитов тридцать пять человек с греческими именами, обладатели которых занимали различные административные должности в урукской общине⁷³. К последним с некоторой долей сомнения можно присоединить и жителя Вавилона Аристея, другое имя которого было Ардубелти⁷⁴. В списке наемников из Иасоса в Карию значится мидиец Сарапион, сын Деметрия (SEG XVIII. 450, 9–10)⁷⁵. Возможно, что и упоминавшиеся выше знатные иранцы Птолемей, Дионисий и Антиох, сын Арьябузана, получили свои имена благодаря матерям-гречанкам. Параллельно с этим некоторые иранские имена проникают в греко-македонскую среду. Так, Антиох III назвал своего сына, будущего царя Антиоха IV, Митридатом, возможно, в честь его деда с материнской стороны Митридата II Понтийского⁷⁶. Кроме того, это же имя носил и сын родной сестры Антиоха III (*Polyb.* VIII. 25. 3).

Разумеется, что без знания в той или иной степени греческого языка проникновение представителей восточных народов на командные посты в армии и в административный аппарат селевкидского государства, а также заключение межэтнических браков было бы невозможным. К сожалению, прямых данных о том, насколько и какие жители Востока владели греческим языком, у нас нет, если не считать отмеченного риторическим преувеличением восклицания Плутарха, согласно которому в Азии стали читать Гомера, а дети персов, сузианцев и гедросов — играть в трагедиях Еврипида и

⁷¹ Там же. С. 207.

⁷² Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии. С. 166.

⁷³ Саркисян Г.Х. Греческая ономастика в Уруке. С. 184, 214.

⁷⁴ См.: Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии. С. 163; Дандамаева М.М. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 10. Не вполне ясно, кем — греком или вавилонянином — являлся Аристей. Следует лишь отметить очень хорошее знание им аккадского языка.

⁷⁵ Судя по тому, что надпись датируется ок. 200 г. до н. э., отец Сарапиона получил греческое имя не позднее середины III в. до н. э.

⁷⁶ Muccioli F. Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi. P. 81–83.

Софокла (*Plut. De fort. Al. I. 5*). Вместе с этим, источники конца селевкидского периода позволяют утверждать, что некоторые греки изучали шумерский и аккадский языки⁷⁷ и, возможно, арамейский⁷⁸. Кроме того, селевкидские власти обращались к своим восточным подданным и через переводчиков (*Polyb. V. 83. 7*), о национальности которых можно только гадать.

Следствием сближения греко-македонян и народов Востока стало возникновение такого еще неизвестного при Александре явления, как культурный и религиозный синтез, одним из наиболее убедительных проявлений которого стал храм Окса в Тахти-Сангине (Южный Таджикистан). В архитектуре храма, возникшего в начале III в. до н. э., переплетаются иранские, месопотамские и греческие традиции, а отправление иранских культов огня и воды сочеталось с поклонением греческим божествам⁷⁹.

Изложенный выше материал позволяет заключить, что Селевкиды сохранили и продолжили «восточную политику» Александра Македонского: без нее их государство не только не смогло бы существовать, но и просто бы не возникло.

Литература

- Балахванцев А.С.* Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных: тезисы доклада на Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете // ВДИ. 2006. № 2. С. 226.
- Баюн Л.С.* Этноязыковая ситуация на эллинистическом Востоке // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 263–279.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1960. Ч. I.
- Голубцова Е.С.* Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969. С. 128–199.
- Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.

⁷⁷ *Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca // Iraq. 1962. Vol. 24 (1). P. 63.

⁷⁸ *Black J.A., Sherwin-White S.M.* A Clay Tablet with Greek Letters in the Ashmolean Museum, and “Graeco-Babyloniaca” Texts // Iraq. 1984. Vol. 46 (2). P. 137–139.

⁷⁹ Подробнее см.: *Литвинский Б.А., Пичкиян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.

- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии (По данным прозопографии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 155–175.
- Дандамаева М.М. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 3–25.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001.
- Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко Г.А., Ладынин И.А. Эллинизм // Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 521–551.
- Левек П. Эллинистический мир. М., 1989.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.
- Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 86–102.
- Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 73–85.
- Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.
- Саркисян Г.Х. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 136–170.
- Саркисян Г.Х. Греческая ономастика в Уруке и проблема *Graeco-Babyloniaca* // Древний Восток. 2. Ереван, 1976. С. 181–217.
- Смирнов С.В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Тирацян Г.А. Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении // ВДИ. 1980. № 4. С. 99–104.
- Толстов С. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока» // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 194–209.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986.
- Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977.
- Шофман А.С. К вопросу о генезисе эллинистических армий (*антитагма*) // ВДИ. 1987. № 3. С. 143–153.
- Badian E.* Orientals in Alexander's Army // *JHS*. 1965. Vol. 85. P. 160–161.
- Var-Kochva V.* The Seleucid army. Cambridge, 1976.
- Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. München, 1944. Bd. II.
- Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985.

- Black J.A., Sherwin-White S.M.* A Clay Tablet with Greek Letters in the Ashmolean Museum, and “Graeco-Babyloniaca” Texts // *Iraq*. 1984. Vol. 46 (2). P. 131–140.
- Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven; Paris; Dudley, MA, 2004.
- Boiy T.* Royal and satrapal armies in Babylonia during the Second Diadoch War. The *Chronicle of the Successors* on the events during the seventh year of Philip Arrhidaeus (=317/316 BC) // *JHS*. 2010. Vol. 130. P. 1–13.
- Bosworth A.B.* Alexander and the Iranians // *JHS*. 1980. Vol. 100. P. 1–21.
- Briant P.* D’Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d’Eumène de Kardia (1er article) // *REA*. 1972. T. 74. P. 32–73.
- Briant P.* D’Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d’Eumène de Kardia (suite et fin) // *REA*. 1973. T. 75. P. 43–81.
- Briant P.* Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d’installation // *Klio*. 1978. Bd. 60 (1). P. 57–92.
- Briant P.* Les Iraniens d’Asie Mineure après la chute de l’empire Achéménide. A propos de l’inscription d’Amyzon // *DHA*. 1985. T. 11. P. 167–195.
- Brunt P.A.* Alexander’s Macedonian Cavalry // *JHS*. 1963. Vol. 83. P. 27–46.
- Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Wiesbaden, 1978.
- Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; Los Angeles, 2006.
- Downey G.* A History of Antioch in Syria. Princeton, 1961.
- Dreyer B.* How to Become a “Relative” of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // *AJPh*. 2011. Vol. 132 (1). P. 45–58.
- Eddy S.K.* The King is Dead. Lincoln, 1961.
- Edson Ch.* *Imperium Macedonicum*: The Seleucid Empire and the Literary Evidence // *CPh*. 1958. Vol. 53 (3). P. 153–170.
- Elwyn S.* The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna’s Inviolability // *JHS*. 1990. Vol. 110. P.177–180.
- Foulon É.* Contribution à une taxinomie des corps d’infanterie des armées hellénistiques // *EC*. 1996. T. 64 (3). P. 227–244.
- Frye R.N.* The History of Ancient Iran. München, 1984.
- Griffith G.T.* A Note on the Hipparchies of Alexander // *JHS*. 1963. Vol. 83. P. 68–74.
- Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // *VSWG*. 1958. Bd. 45. S. 1–16.
- Hammond N.G.L.* The text and the meaning of Arrian VII 6.2–5 // *JHS*. 1983. Vol. 103. P. 139–144.
- Muccioli F.* Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi // *Electrum*. 2010. Vol. 18. P. 81–96.
- Nodelman S.A.* A Preliminary History of Characene // *Berytus*. 1960. Vol. XIII (2). P. 83–121.
- Piejko Fr.* Episodes from the Third Syrian War in a Gurob Papyrus, 246 B.C. // *AfP*. 1990. Bd. 36. P. 13–27.

- Préaux C.* Le monde hellénistique: la Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). Paris, 1978.
- Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum). London, 2012.
- Sachs A.J., Hunger H.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Wien, Vol. I–III. Wien, 1988–1996.
- Savalli-Lestrade I.* Les *philoï* royaux dans l'Asie hellénistique. Genève, 1998.
- Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Dewsbery, 1994. Vol. 1.
- Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, 1993.
- Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca // Iraq. 1962. Vol. 24 (1). P. 63–72.
- Spek R.J. van der.* The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // BJ. 1993. J. 50. № 1–2. P. 91–101.
- Sullivan R.D.* The Dynasty of Commagene // ANRW. Bd. II. 8. P. 732–798.
- Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957. Vol. I.
- Walbank F.W.* The Hellenistic World. London, 1993.
- Wallenfels R.* Seleucid Archival Texts in the Harvard Semitic Museum. Groningen, 1998.
- Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)¹. Nancy, 1966. T. 1.
- Wolski J.* L'Iran dans la politique des Séleucides // AAASH. 1977. T. 25. P. 149–156.